Виктор Вахштайн

От онтологии множественных миров к онтологии действующего (Комментарий к переводам У.Джемса и Р.Мэя)

Текст психотерапевта-экзистенциалиста Ролло Мэя «Три формы мира» вряд ли может стать серьезным ресурсом социологического теоретизирования. Если европейские экзистенц-психологи — такие как Людвиг Бинсвангер и Медард Босс — всерьез задавались целью создать психологическую теорию на основе хайдеггеровской феноменологии, то Мэй, скорее, талантливый популяризатор — «переводчик» Хайдеггера для своих американских коллег. Отсюда и легкий стиль его письма, и обманчивое впечатление поверхностности, и удивительная свобода в обращении с тяжеловесными категориями немецкой экзистенц-философии.

Ценность этого небольшого текста в другом. Он показывает социологам, теоретикам социального действия, где именно они ошиблись в своей интерпретации «онтологии множественных миров» Уильяма Джемса.

Любое кросс-дисциплинарное заимствование требует напряженной работы забвения. Мало просто перетащить аргумент или идею из психологии в социологию (а такие заимствования в истории нашей дисциплины происходили с завидной регулярностью), нужно аккуратно «вырезать» ее из того интеллектуального контекста, в котором она сформировалась (и на который повлияла), и бережно «пересадить» на новую теоретическую почву. Так, работа Уильяма Джемса о восприятии реальности была перенесена в социологию Альфредом Шюцем и «подсажена» к классической социологической теории действия

Вахштайн Виктор Семенович — к. соц. н. (ГУ-ВШЭ, 2007), заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета РАНХиГС, директор Центра социологических исследований Института социально-экономических исследований РАНХиГС.

(где и принесла обильные плоды). Собственно, этому заимствованию предшествовала любопытная история, скорее, напоминающая сюжет детектива или судебной драмы.

Днем 20-го января 1843-го года пятидесятилетний Эдвард Драммонд, личный секретарь премьер-министра Роберта Пиля, был застрелен Даниэлем Макнотеном, владельцем небольшого деревообрабатывающего предприятия в Глазго, за несколько лет до покушения продавшим свой бизнес. Как выяснилось впоследствии, Макнотен был одержим манией преследования: ему казалось, что правящая партия консерваторов объявила ему войну, регулярно подсылает к нему шпионов и практически довела его до разорения. Он всего лишь решил нанести упреждающий удар, выстрелить первым, и жертвой должен был стать не Драммонд, а сам премьер-министр Роберт Пиль. Секретарь Пиля скончался через пять дней после выстрела.

Даниэль Макнотен предстал перед судом, где сообщил о преследованиях со стороны партии тори. Медицинское заключение диагностировало несомненное психическое расстройство параноидного типа. Обвинение стремилось доказать что «несмотря на частичное помутнение сознания, обвиняемый все же действовал как сознательный и ответственный субъект, понимал последствия своих действий, а потому должен понести заслуженное наказание». Защитник Александр Кокберн настаивал на том, что подсудимый «не контролировал свои действия, а потому не может нести за них ответственность». После недолгого совещания присяжные согласились с доводами Кокберна. Даниэль Макнотен был признан невиновным на основании помешательства. Его препроводили в психиатрическую лечебницу, где он и скончался двадцать два года спустя.

Однако история на этом не заканчивается.

Взбудораженная громким происшествием, Палата лордов потребовала от специально созданной комиссии судей ответить на несколько «гипотетических вопросов». А именно: сформулировать ряд четких критериев, по которым подсудимый может быть признанным ответственным за свои действия, даже если страдает от помутнения рассудка. Ответы, данные судьями, вошли в историю как «правила Макнотена», и очень быстро из предмета юридического спора стали источником новых литературных, философских, психологических и социологических прозрений.

Мы все отчасти знакомы с «правилами Макнотена» по фильмам, где в ходе судебного заседания представители защиты или обвинения произносят фразу «...он был неспособен отличить добро от зла и не понимал последствий своих действий». Это — второе правило Макнотена. Один из вопросов, заданных

лордами, звучал так: «Если человек под влиянием болезненно-бредового восприятия фактов действительности совершает преступление с тяжелыми последствиями, то освобождает ли его это от юридической ответственности?». Судьи ответили на него следующим образом: «...при том же допущении, какое мы сделали раньше, а именно, что спорное лицо обладает лишь частичным, выборочным искажением восприятия, а в других отношениях здраво, мы полагаем, о его ответственности следует судить, разбирая его поступки в такой ситуации, как если бы факты, в отношении которых наблюдается болезненное заблуждение, существовали реально („...he must be considered in the same situation as to responsibility as if the facts with respect to which the delusion exists were real"). Например, если под влиянием заблуждения это лицо полагает, будто на его жизнь покушается другой человек, и убивает такого человека, как оно убеждено, в целях самозащиты, — убийца может быть освобожден от наказания. Если же его заблуждение состояло в том, что покойный якобы причинил серьезный вред его репутации и благосостоянию, и он убил этого человека в отместку за такой предполагаемый вред, убийца подлежит наказанию».

Иными словами, Макнотена оправдали не потому, что он — в момент совершения преступления — находился в иллюзорном мире, созданном его болезненным воображением. И не потому, что, как утверждал его адвокат, он не мог контролировать свои действия. Его оправдали, потому что в его воображаемом мире на него велась безжалостная политическая охота, и он действовал в нем из соображений самозащиты, покушаясь на главный источник опасности. Если бы Макнотен — находясь в таком же точно состоянии — выстрелил в Драммонда, чтобы «передать послание Пилю», его бы, скорее всего, осудили на казнь. Поскольку тогда это уже не было бы самозащитой даже в мире безумия.

Правила Макнотена до сих пор остаются уникальным прецедентом и практическим руководством для юристов. Если человек, живущий в мире безумия, полагает себя агентом секретной службы, которому поручено устранить вражеского шпиона, он — за совершенное им убийство — подлежит принудительному лечению. Если же человек, страдающий психическим расстройством, убивает своего соседа из-за того, что у того, якобы, роман с его женой, он должен быть признан виновным в убийстве.

Английские судьи тем самым признали, что мир безумия является миром sui generis, «структурно подобным» миру здравого смысла, и его обстоятельства имеют решающее значение для вынесения вердикта.

Но что значит «структурно подобным»? И что имеет решающее значение: структурное подобие миров или их суверенность, независимость друг от друга?

Спустя полстолетия после выстрела на Даунинг-стрит в Гарварде была издана книга Уильяма Джемса «Принципы психологии» (1890) — работа, которой было суждено изменить весь облик психологии XX века. В главе «Восприятие реальности» Джемс впервые обосновал тезис о множественности относительно автономных (но подобных друг другу) миров, предложив попутно их первичную классификацию. У Джемса таких миров насчитывается семь:

1) Мир ощущений или физических «вещей», постигаемых инстинктивно и обладающих такими качествами, как теплота, цвет и звук, и такими «силами», как жизнь, химическое сродство, тяготение, электричество.

2) Мир науки или физических вещей, постигаемых ученым и лишенных вторичных качеств и «сил» (в общепринятом смысле), в котором реальны только твердые тела, жидкости и «законы» их движения.

3) Мир идеальных связей или абстрактных истин, принимаемых на веру или могущих быть принятыми на веру всеми и выражаемых в форме логических, математических, метафизических, этических или эстетических утверждений.

4) Мир «идолов племени», иллюзий или предрассудков, общих для определенного народа. Все образованные люди признают их в качестве одной из подвселенных. Например, к этому миру принадлежит вращение неба вокруг земли. Это вращение не признается ни в одном другом мире, но как «идол племени» оно реально существует. Для некоторых философов «материя» существует только как идол племени. В науке таким «идолом племени» являются «вторичные качества» материи.

5) Различные сверхъестественные миры: христианские рай и ад, мир индуистской мифологии и т. д. Каждый из них является непротиворечивой системой, между частями которой имеются определенные связи. Например, трезубец Нептуна не обладает никакой реальностью в христианском раю, но в пределах классического Олимпа некоторые его свойства истинны, вне зависимости от присутствия или отсутствия веры в реальность классической мифологии в целом. В один ряд с этими мирами религиозной веры можно поставить множество преднамеренно выдуманных миров — мир «Илиады», мир «Короля Лира», мир «Записок Пиквикского клуба» и т. п.

6) Различные миры индивидуальных мнений, которых столько же, сколько людей.

7) Миры чистого безумия и помешательства, тоже бесконечно разнообразные.

Эта классификация немного напоминает знаменитую борхесовскую классификацию животных, в которой любимые животные императора соседствуют с животными, только что разбившим кувшин, или нарисованными тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти (не случайно Борхес был фанатом джемсовской философии). Однако Джемс детально анализирует то общее, что свойственно нашему восприятию реальности в каждом из миров: будь то «верховная реальность» мира повседневной жизни или реальность мира безумия. Главное их свойство — непротиворечивость. Все эти миры — здравого смысла, науки, литературы или безумия — блокируют сомнение в их собственной реальности до тех пор, пока вы находитесь «внутри». Вы не сомневаетесь в реальности стула, на котором сидите. Дон Кихот не сомневается в реальности великанов. Физик не сомневается в реальности атомов. Это не значит, что в атомах, великанах и стульях нельзя усомниться — это лишь значит, что в них нельзя усомниться, пока вы находитесь в их мире (здравого смысла, безумия или физики).

Однако в каком отношении миры находятся друг к другу? Являются ли они «суверенными государствами» со своими собственными законами и лишь им одним присущей внутренней логикой? Могут ли миры пересекаться и накладываться друг на друга? Есть ли среди них «метрополии» и «колонии»?

Все эти вопросы составляют часть «джемсовской проблемы» (которая возникает лишь тогда, когда мы — вслед за английскими судьями — признаем тезис о множественности миров и их относительном подобии друг другу). Развитие этой темы в феноменологической социологии Альфреда Шюца придало «джемсовской проблеме» особое звучание: как устроено наше сосуществование с Другими в каждом из миров?

Двинувшись вслед за Шюцем, социологическая теория действия совершила радикальный отказ от исходных джемсовских предпосылок. Контекст действия (тот мир, в котором оно совершается) важнее, чем какие бы то ни было «субстанциальные характеристики» действующего. Собственно, этот отказ (легко дающийся социологам со времен Макса Вебера, с подачи которого социолог должен «стремиться понять действие, а не действующего») и стал предпосылкой экспорта «джемсовской проблемы» — и связанной с ней онтологии множественных миров — из психологической теории в социологическую. Отныне теория множественных миров не предполагала с необходимостью ответа на вопрос о «природе» самого действующего. Стоит ли говорить,

что психологическая теория двинулась в прямо противоположном направлении — к экзистенциальной философии (исторически проигнорированной социологами), к идеям Dasein-анализа, новой философской антропологии бытия-в-мире и, в конечном итоге, к новой онтологии действующего. Вольным переложением этих идей и является текст Ролло Мэя. (Альтернативную их рецепцию можно найти в теории «димензиональной онтологии» Виктора Франкла.)

Мы публикуем этот текст, потому что сегодня социология вынужденно возвращается к проблеме, вынесенной за скобки при заимствовании джемсовского постулата о множественности миров. Можно ли ответить на вопрос о контексте действия («в каком мире находился действующий?»), не отвечая на вопрос о природе действующего («кем он был в момент совершения действия»)? Как выстроить новую онтологию субъекта действия, не возвращаясь ни к великому «феноменологическому отказу» от этой проблематики, ни к тупикам философско-антропологической социологии М. Шелера, А. Гелена и Х. Шельски?

Возможно, социологической теории действия пришло время вернуться к невыученному уроку экзистенц-философии. Не исключено, что психологическая теория сможет помочь ей в этом повороте.